

18+

Ирина Самохина

ВЫЙТИ ИЗ ПОЕЗДА

Ирина Самохина
Выйти из поезда

«Издательские решения»

Самохина И.

Выйти из поезда / И. Самохина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508442-2

Перед Вами — пронзительная история женщины, балансирующей на краю жизни и смерти, потери себя или же обретении. Поиск ответов на непростые вопросы заставляет отправиться в опасное путешествие за грани реальности. Вся хрупкость и тяжесть этого мира, переплетаясь, очерчивают суровый лик человеческих судеб. А теперь замрите. И почувствуйте: жизнь — это не то, что будет. Жизнь — это сейчас.

ISBN 978-5-00-508442-2

© Самохина И.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Статика	6
Часть 2. Точка отсчета	11
Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Выйти из поезда

Ирина Самохина

© Ирина Самохина, 2020

ISBN 978-5-0050-8442-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Статика

Я точно знаю день, когда сошла с ума. Это, пожалуй, единственное, что я знаю наверняка, всё остальное теперь либо из области как будто чужого прошлого, либо из области неопределенного будущего, о котором я даже не имею смелости помыслить. Есть еще настоящее – неинтересное, пресное и странное.

Полтора года назад врачи сообщили мне, что мой организм дал сбой и одна вероломная клетка внутри меня взбунтовалась. Всё вышло из-под контроля, да что там – всё рухнуло.

Сейчас на улице весна. Тот коронованный период этого сезона, когда всё в цвету. Природа словно раскрывает свои большие зеленые глаза после долгого сна. Томно потягивается и простирает к тебе руки, чтобы обвить и приласкать.

Безусловно, вокруг только и разговоров, что об этом пробуждении. Но люди даже такое чудо могут превратить в фарс... «Цветочки, пчелки, лучи, пробивающиеся через распахнутые окна» и прочие клише. Все хотят жить красиво, а кто-то хочет просто жить... Вот разве что парадокс: дико хотеть жить и одновременно с этим утратить всякий интерес к этой самой жизни.

Я заглядываю в лица людей, направляясь в больницу: вот те четверо, развалившиеся под цветущей сакурой, – они и вправду так счастливы? Вправду так чувствуют движение и красоту этой жизни? Вправду готовы часами лежать и созерцать нежные акварельные наброски распускающейся природы? Всё это вправду?

Нет же, вся компания достала смартфоны: штамповать симпатичные картинки с обязательным наложением фильтра. Без него, фильтра, эта картинка жизни слишком проста и обыденна, такую видит каждый по ту сторону своих глаз.

О, сколько их, совсем полых изнутри... Но есть все-таки особенные люди, из «другого теста». Не пустые манекены, не яркие фантики без содержимого. Именно в них продолжает жить душа, вселенная, частица Бога... да как хотите, так и называйте! Они видят шире, осознают больше. Могут давать, а не только бесконечно брать. Этакие белые вороны потребительского общества. Если вы одни из них, поздравляю, вам и повезло, и не повезло одновременно. Ибо Мир меняется, мудрецы и проСВЕТленные пропадают. Возможно, потому, что свет внутри нас гаснет всё быстрее и всё чаще. Но, знаете, мир цикличен – и всё вернется, обязательно вернется! Но нас уже не будет. А сейчас мы здесь! Понять эти простые слова: «здесь и сейчас». Возвести в Абсолют мысль, что это твой миг.

Почему же я всё вижу, как во сне? Я считаю, что это один из признаков моего тихого безумия. Все говорят про знаменитую пятерку стадий принятия... хм, по мне, все мои эмоции смешались в какую-то грязную кашу, как растекшиеся по полу краски, и нет там отрицания или торга, даже гнева нет. Депрессия? Возможно, это она. Хотя мне кажется, большинство людей живут в депрессии и поглощают эту жизнь, не чувствуя вкуса, в спешке, часто используя «подсластители».

Я думаю, что единственное время, когда ты настоящий человек, – это детство. В детстве всё самое яркое, удивительное, захватывающее, вкусное. Что потом случается с нами – загадка. Но какой-то детали пазла перестает хватать.

Кто его отнял и зачем?

Или мы сами его потеряли?

А если потеряли, как его найти?

После больницы, где врач молча просматривал мои анализы (вопросы ему я перестала задавать уже давно. Нет, не из-за страха, а просто поняла в какой-то момент, что врачи не боги и знать наперед ничего не могут, и гарантировать тоже. А мы же ждем гарантий.), я незаметно для себя вернулась домой и залезла в чат поддержки. Поддержки от него, скажу честно,

совсем немного, скорее наоборот... это квинтэссенция боли и страхов, которые каждый старается выплеснуть сполна. Новость дня: сегодня не стало Л. Она в чате раньше меня, долгий путь. Что я ощущаю? Да практически ничего. Даже к этому привыкаешь. Люди приходят и уходят. Уходят куда-то, за грань неведомого. Л. была верующая, мне подумалось: может, так легче? А вообще, я хорошо помню первую потерю. Девушка из чата, Н., оптимистка и шутница. Через полгода моего общения в чате – как гром среди ясного неба: Н. умерла. Это было обжигающе страшно, я плакала по незнакомой оптимистке Н. и больше месяца чувствовала давящую боль в груди. А потом... я привыкла. Чудовишно, но правда. Зачем мне этот чат? В очередной раз дала себе обещание завтра выйти из него. Как советуют умные книги, которые пишут умные люди, нужен позитив.

Простите мне мою невежливость, я забыла представиться. Меня зовут Эмма, и я еще молода. Хотя это как посмотреть... Моего чувства «резистентности» к этому миру хватило бы на пару жизней каких-нибудь долгожителей. Но мне бы очень хотелось когда-нибудь увидеть себя в зеркале маленькой старушкой. Такой подтянутой, с ниткой жемчуга на шее, мудрой главой большой семьи, к которой все идут за советом. А советов этих у меня было бы хоть отбавляй, на все случаи жизни, и все непременно правильные и своевременные, как и положено человеку, прожившему длинную жизнь. Я где-то слышала: «Неважно, сколько дней в твоей жизни, важно, сколько жизни в этих днях». О... я повторяю это изречение, как мантру... но всё мое естество предательски думает о количестве, а не о качестве.

Выпила лекарства и успокоительное перед сном. У меня есть минут пятнадцать, перед тем как провалиться в тяжелое не забытьё. Чем заняться? Таращу глаза в потолок. Я больше не вижу там диковинных животных от тени дерева перед окном. Я больше уже не вижу ничего диковинного. Я сама сухое дерево, заглядывающее в чужие окна в надежде увидеть жизнь.

Я опять в чате. Руки как-то сами залезли в телефон. К. разродилась тирадой, что всё не так страшно переносить, когда у тебя нет детей, а у нее их двое, и это усугубляет всю ситуацию во сто крат. И. опять агитирует всех стать веганами. У М. скоро контроль, и она вся на нервах. Я не хочу, больше не хочу всё это видеть и слышать! Я не смотрю на сидящих рядом пациентов. Я хочу начать свою жизнь заново с кого-нибудь момента ДО болезни! Начинаю выбирать этот момент, так внимательно и придирчиво, как будто выбираю платье на первое свидание. Свидание... Мысли потекли совсем в другое русло, так и оставив «точку отсчета» не определенной. На свидания я не ходила уже давно. Что неудивительно, конечно. Мой молодой человек оставил меня спустя два месяца после постановки диагноза. Ушел как-то невнятно. Я даже плохо помню события тех дней, моя память то ли заботливо закопала всё от меня подальше, то ли лечение так крепко пригвоздило меня к кровати и туалетной комнате, что всё остальное перестало существовать. Разумеется, меня предали. Предал самый близкий, тот, кто был всем, а стал никем. Я его не виню, наверное. Если бы не моя болезнь, всё было бы по-другому, так, как мы мечтали. Хорошо, что он сбежал, – я могу не чувствовать себя виноватой перед ним. Я могу не притворяться, что я еще хотя бы на пятьдесят процентов тот человек, с которым он прожил четыре года. Я отпустила его давно. И всех наших общих друзей тоже. Меня обжигают воспоминания о прошлой жизни. О той лучшей жизни. Как будто меня выкинули из нее и закрыли двери перед самым носом, и я, как брошенный пес, смотрю и тычусь этим носом в стеклянную дверь.

Незаметно для себя я оказываюсь уже перед домом. Это моя новая суперспособность – думая обо всем и ни о чем одновременно, оказываться уже совершенно в другом месте. Я опять живу с родителями. Чувствую себя очень виноватой перед ними, я не хочу, чтобы они страдали из-за меня, чтобы кто-то плакал по мне и жалел меня и себя... Да, пожалуй, К. права, когда ты один – так проще. Ты переживаешь только за себя и ни перед кем не несешь ответственности, не притворяешься и не боишься разочаровать... смертельно. Я скучаю по бабушке. Если бы было можно вернуться в детство – о! я обязательно вернулась бы в бабушкин дом, где самое

начало осени и пахнет пирогом с яблоками и вишневым компотом. Где, как только я поднимаюсь по лестнице, сразу распахивается дверь! Потому что бабушка ждет, потому что я для нее – целый мир. Какие у тебя теплые руки, бабуль, как ты умеешь слушать! Как никто другой! Тихо, внимательно, сопереживая и смеясь вместе со мной, устремив на меня всё понимающий взгляд. Как так получилось, что всего этого уже нет? Прошое и будущее растворились; есть только настоящее, и мы его не выбираем. Мы не властны над тем, что дает нам жизнь. Ничего не решаем, а можем только учиться правильно принимать всё, что нам дается. Но это и есть самое сложное – найти смысл в хаосе, не сдаться, не отупеть. Любить жить. Жить любя.

Прошедшую неделю я вынесла на своих плечах, как атлант, сгорбившийся под тяжестью своей ноши. Дела обычные. Из необычных – мой бывший женился-таки. Рауль... Он был поистине особенным. И оставался таким по сей день. На свадебных фотографиях в его янтарных глазах, таких осенних, было столько мягкой любви к своей хрупкой молодой жене. На меня он умел смотреть так же. Это был взгляд, с которого всё у нас началось. Я безвозвратно таяла, разморенная этими знойными лучами его глаз.

Мы познакомились во время учебы. Мне только что исполнилось двадцать, я была свободна, дерзка, красива и подстёгиваема всеми этими качествами. Сейчас я понимаю, что, несмотря на свою извечную склонность к рефлексии, я была почти полностью счастлива в те времена. Внутри меня был словно мотор, я умела светиться изнутри, и этот свет привлекал людей. Конечно, такое состояние я не могла поддерживать постоянно, но, когда я попадала в эту «струю», вокруг меня, в моем бурлящем потоке жизни, кружилось множество подруг, друзей, приятелей, приятельниц, знакомых и знакомых их знакомых... И каждый из них бессознательно стремился ухватить себе кусочек моего бурлящего света. Вы же знаете, какая это редкость – быть по-настоящему счастливым? А знаете ли вы, какой это удар по самолюбию других – встретить вот такого вот человека? О, его видно сразу, в нем словно сосредоточена вся энергия любви этого мира. Не фальшивое счастье, а неподдельная энергия, льющаяся через край. И я могла быть такой. И такую силу давала мне взаимы моя любовь.

Смех... Я до сих пор помню именно этот звук, когда на шумной вечеринке через разномастный гам я услышала его. Это была увертюра. Дальше глаза – это была уже целая симфония. Янтарь, мед, осень. Да, это была пресловутая обжигающая-любовь-с-первого-взгляда. Нам было хорошо. В меру легко, в меру сложно. Рауль был старше на год, спортивен, весел, беззаботен, широкоплеч. Любил готовить и ненавидел оперу. Я была тонкой, золотоволосой, веселой, беззаботной. Любила читать стихи вслух и курить с утра на балконе, попивая черный кофе. Мы были хорошей парой. Знаете, из тех хороших пар, что показывают в рекламе ипотеки или шоколада. Такими перспективными и приторными были мы.

Что такое четыре года? Спроси у ребенка, и он скажет: «Это вечность». Спроси у старика, и он скажет: «Это миг». Спроси у счастливого – он и не заметил. Спроси у несчастного – в каждой морщинке отпечатался каждый день. Мы же, конечно, были неприлично счастливыми и, со свойственной счастливым неблагодарностью, наших «часов» не наблюдали. Закончили университет, устроились на работу. Вечерами встречались с друзьями, ходили в кино, валялись в постели до полудня по выходным. Смертельно расстраивались из-за проблем на работе и горячо обсуждали это перед сном. До визга радовались отпуску на море. Зажигали свечи и полуголые танцевали медленные танцы. Ссорились по мелочам, знакомым всем. Пугались ангины или гриппа. Мда... смешно. Тут в пору постоять и помолчать, почтить память этого рухнувшего мира, этакого незыблемого «Титаника», который внезапно ушел-таки под воду. До «айсберга» было даже предложение руки и сердца. Всё четко, всё правильно, как и должно было быть. «Айсберг» проявил себя неожиданно и резко. Меня, как тряпичную куклу, таскали туда-сюда, от врача к врачу, от обследования к обследованию. От ужаса я не могла иной раз пошевелиться, мне хотелось вцепиться в руку врача и не отпускать, пока он не скажет, что всё

хорошо, они ошиблись и вообще это просто дурной сон. На деле же я просто молчала, слушала, кивала, старалась сохранять видимость нормальности при уже наступившем безумии.

Страх... самая сильная, самая животная эмоция. Его не сбросить, не смыть, не стереть. Я превратилась в пустошь. Мне говорили сесть, лечь – я всё без вопросов выполняла. Я терпела боль. Я превращалась в лысого человечка с отеком лица землистого цвета. Знаете ли вы, как выпадают ресницы? Сегодня есть, а завтра уже нет. То была не я! Ну точно же сон! Кошмарный сон! Но я не просыпалась, хотя спала и спала целыми днями. И он, мой прекрасный Рауль, стал медленно ускользать из моей жизни. И он, и жизнь утекали от меня.

Я хорошо помню один из холодных вечеров. Я уже перебралась к родителям, чтобы было кому за мной ухаживать. Рауль приходил всё реже и реже. Я заметила это неожиданно, будто очнувшись. Слезы душили меня всю ночь. Еще не объяснившись с ним, я всё уже поняла. Злоба на саму себя и свою судьбу захлестнула меня. Я стала похожа на раненого зверя, забившегося в нору и не подпускающего к себе. Мне хотелось только скулить и кусать. Рауль, конечно, сказал, уставясь на свои ботинки, что нам нужно время, он не хочет причинять мне зла. Зла? Разве это крохотное слово может описать весь спектр истязающих меня чувств? Но я прервала его на полуслове: «Я тебя отпускаю. Ты не виноват». Вот это индульгенция! Будто тонна позорного греха свалилась с его плеч! Он и плакал, и что-то говорил, и поспешно собирался. Он сказал «прощай», и я простила. Да и как он, красавец с медовыми глазами, может быть хоть в чем-то виноват? Виновата я одна. Я ненавидела себя и свое предательское тело. И он ушел из моей жизни легко, словно никогда и не был в ней! Хотя нет, будто меня никогда не было в его жизни. Ушел не оглядываясь. А я осталась одна. Рыча в подушку, я не понимала, почему это происходит именно со мной. Мои легкие были словно обожжены болью и разочарованием. А потом пришла депрессия, врачи и препараты поубавили ее, присмирили ровно настолько, чтобы я могла продолжать существовать.

Быстро пронесли еще три месяца моей жизни от совсем недавней весны. Солнечные лучи скользили через деревья и обволакивали кусты цветущего шиповника, сладкий аромат заполнял грудь. Утро выдалось прекрасное. Еще царила прохладная свежесть, но день обещал быть жарким. Это был один из тех долгожданных летних дней, сама спелость лета, сама его суть. Голуби, примостившись у фонтана, настороженно водили круглыми зрачками, но сразу забывали об осторожности, получив горстку крошек от свежего багета. Водные брызги искрились на солнце, словно россыпь бриллиантов. Вся эта идеалистическая картина мира словно была призвана вселить в меня надежду. Я шла к врачу за результатами своего «контроля», который должен был показать, возымел ли этот курс лечения успех.

Я люблю игры со временем: проходя мимо, к примеру как сейчас, памятника, я говорю себе, что этот миг уже даже не настоящее, а прошлое. Я фиксирую внимание на том, что чувствую, думаю и вижу сейчас, проходя здесь. И говорю себе, что будущая дорога обратно мимо этого памятника уже совсем скоро станет моим настоящим, а затем, за долю секунды, превратится в уходящее прошлое. Это игра со временем – как, находясь в поезде, смотреть в окно: только выплывет из небытия маленький домик возле путей, и тут же ты видишь, как он уже растворяется где-то за линией твоего обзора. О, это вечное чувство наблюдателя своей жизни! Я всё свое время будто стою и смотрю из окна идущего поезда, и меняются, меняются картинки, а я стою... и смотрю. Ничего не выбираю, никуда не иду. Такая вечная статика. И вот я опять поставила себе на память крестик в голове: что же я буду чувствовать, о чем думать, проходя мимо этого памятника на обратном пути?

Страх не контролируем. Эта волна тошнотворного ужаса опять наполнила мои легкие. Не забавная игра слов – «животный страх». Он живет где-то в животе и в позвоночнике, я точно это знаю. Я иду и смотрю на свои ноги и чувствую свое дыхание, такое шумное, где-то в висках. Мой страх рвется из меня, но мое лицо спокойно. Движения четки. Я умею играть свою роль. Лишь на долю секунды я замешкалась, перед тем как повернуть ручку в кабинет

моего врача, лишь на секунду мое бессознательное завладело мной и затрубило в моей голове: «Бежать! бежать отсюда! без оглядки!» – «Ах, если бы можно было просто сбежать, – устало ответило сознание, – но невозможно, выхода нет». Врач говорит, выход есть. Но опять не тот... Я даже не в панике, я как дикий зверь, окруженный охотниками: сосредоточенное и злое принятие происходящего... Лечение не помогло. Результат отрицательный. Может, это ошибка? Нет, ошибки нет, к сожалению. Не переживайте, есть еще один вариант из какой-то последней линии терапии. Надо верить, надо бороться. Мне нехорошо, в горле пересохло, и мне кажется, в соседнем городе слышно, как я пытаюсь сглотнуть. Он продолжает говорить своим ровным голосом. А потом этим голосом, вечером за ужином, он будет обсуждать отпуск с женой. Я ему завидую. Он может просто встать и снять с себя этот день, эту боль, как свой врачебный халат. Выйти и пойти жить нормальной жизнью. Да, как же я ему завидую и хочу быть им! Так близко касаться смерти и быть от нее так далеко. Мы договариваемся, что я немного передохну, а он пока постарается подобрать новое лечение. Я хочу уйти. Закрываю дверь, еду в лифте, иду к выходу из больницы. В ушах давящая тишина. Выхожу на улицу – и тут на меня, как цунами, обрушивается весь клокочуще-звеняще-гудящий звук пробудившегося города. Мне противно, я морщусь то ли от звука, то ли от света, то ли от желания зареветь. И тут опять моя «суперспособность»: я уже в парке, возле того самого памятника. Теперь я знаю, ЧТО я буду чувствовать, проходя здесь на обратном пути. Теперь и это... уже прошлое.

Ноги сами привели меня на высокий железнодорожный мост, находящийся в паре кварталов от моего дома. Несколько лет назад движение по нему прекратилось, и теперь этот бессмысленный железный гигант служил местом сборищ подростков. С моста, надо сказать, открывался изумительный вид на город: высокие небоскребы искрились в лучах солнца, отбрасывая невероятные тени. Под мостом протянулась река, напоминающая ползущую мутно-зеленую змею. А вокруг было так тихо и спокойно. Я сидела почти посередине моста, как-то сжавшись в одной позе и держась так долго за железную ржавую ограду, что у меня свело пальцы. Какой удивительный вакуум в голове и душе. Солнце начало угасать, и летний воздух вокруг стал розовым и пряным. Одна мысль сверлила мне виски: «Н.А.Д.О.Е.Л.О.». Я повторяла себе это снова и снова. Или кто-то внутри меня твердил мне это. Наконец слезы обиды обожгли мне лицо. Эту жизнь нельзя исправить! Ведь всё было так хорошо, если бы я могла всё изменить! Это просто нечестно! «Н.А.Д.О.Е.Л.О.»... Мой разум перестал хоть как-то подчиняться мне. Я резко вскочила, выпрямилась, перескочила через невысокую ограду. Ноги на парашюте уже на треть были в воздухе над мутной змеей-рекой. Руки разжались. Я глотнула огромную порцию кислорода (надыхаться перед смертью, да). Закрывает глаза. И подала свое летучее тело вперед.

* * *

* * *

* * *

* * *

Часть 2. Точка отсчета

Глава 1

В маленькой уютной квартирке играет джаз: так ровно и сексуально льется звук, устремляясь прямо под кожу. Уже вечер, на улице горят фонари, и как же этим фонарям идет начало осени. Некоторое время я продолжаю лежать на своем любимом клетчатом диване, рассматривая комнату, окно, свои ноги в пушистых гольфах. Какой приятный и реалистичный сон... Хлопнула входная дверь, Рауль вошел в комнату с целой кипой бумаг с работы и очень удивился, что я сплю.

– Ты что, заболела?

После затянувшейся паузы мой голос показался мне очень глухим:

– Нет.

Видимо, таким же неестественным показался мой голос и Раулю.

– Точно всё нормально?

Язык присох к горлу, я просто кивнула.

– Ок, тогда я в ванную и будем ужинать. – Рауль нежно поцеловал меня в кончик носа.

Как только он вышел, я вскочила и начала в буквальном смысле слова метаться по комнате. Сердце стучало так, что казалось, его можно было услышать на улице. На столе уже стояли наши любимые тарелки, которые мы привезли из путешествия по Тоскане. На полу возле дивана лежали любимые сборники стихов. За стенкой шипел старый душ. Это мой персональный рай?!

Мой взгляд остановился на светловолосой девушке с длинными волосами, красиво накрашенной, очень стройной. Ну такой хорошенькой, что я даже сначала не сообразила, что смотрю в зеркало. Да это же я! Но другая. Прежняя я.

Я постучала в ванную к Раулю и, перекрикивая шум воды, насколько это было возможно, постаралась придать голосу естественности:

– Слушай, я и правда неважно себя чувствую. Голова болит. Пойду посплю. Ешь без меня, хорошо?

Не включая свет, я влетела в спальню, нырнула под одеяло. Меня всю трясло. Я сошла с ума. Ну конечно! Это всё объясняет. Мысли, как бешеные мухи, носились в моей голове. Рауль заглянул в спальню:

– Очень плохо? Может, к врачу? Что тебя беспокоит?

«Может, то, что я умерла», – мелькнула, вырвавшись из недр моего подсознания, чудовищная мысль.

– Нет, всё нормально, я просто отосплюсь.

Что я здесь делаю?! Что?!

Мне нужно успокоиться, чтобы вспомнить, чтобы понять...

Я была на том мосту, я чувствую, как сердце подступает к горлу, как стремительно я лечу, и притяжение тянет мое тело вниз. Я не помню боли. Я ее не помню, потому что... я не упала!

И я вспомнила! Четко и ярко. Как будто в моей голове кто-то включил проектор и каким-то единым потоком загрузил в мой разгоряченный мозг всё, что произошло.

Я знала, что через долю секунды врежусь в журчащий поток подо мной... Неестественно сильный порыв ветра резко подхватил меня снизу и начал поднимать вверх, вырывая мое тело из земного притяжения. Я снова сижу на мосту, а напротив моего лица на ржавой ограде сидит птица. Я не разбираюсь в видах птиц, но я уверена, что таких пернатых не существует. Она

похожа на белого голубя, и даже клюв белый. Только глаза голубые и похожи на человеческие. Птица смотрит своими необычайными глазами на меня в упор, и я начинаю слышать голос внутри себя. И это не мой голос.

– Это то, чего ты действительно хочешь, девочка?

Мне не найти ответа, я просто смотрю и не могу выдать ни слова. И вдруг обжигающие слезы хлынули по моим щекам, я рыдаю, я кричу, я говорю, говорю, говорю! Да, я жалею эту неведомой птице, размазывая слезы по лицу, по обветренным губам. Я залпом выплевываю из себя всю горечь, боль, обиду, как наглотавшийся воды человек. Птица смотрит на меня, и мне кажется, что ее глаза, переливаясь, меняют цвет, и... она тоже плачет! Ее крылья стали такими большими, она обнимает меня этими гигантскими белыми опалами, закрывая меня полностью. Какое облегчение! Мне становится легче, и скоро уже совсем спокойно и светло у меня на душе. Я радуюсь, сама не понимая чему. Это чистое счастье! Как в детстве! Я чувствую себя ребёнком. Мне впервые за очень долгие годы так спокойно и благостно. Внутри меня так чисто и светло, будто там прибрались и вывели оттуда вест сор. По венам течет не кровь, а абсолютное счастье! Не отпускай меня, белое создание, только не отпускай! В моей голове звучит ее голос: «Я понимаю тебя, я жалею тебя, я желаю тебе только добра, я люблю тебя. Прости меня, Эмма. Я забираю сейчас всю твою боль. Моя любовь к тебе безгранична. Позволь помочь тебе».

– Кто ты?

– Это не имеет значения. Думай так, как тебе больше нравится. Ты не принимаешь больше свою жизнь. Но нельзя отказываться от этого дара.

– Может, для кого-то это и дар, но моя жизнь – слишком тяжкий груз.

Говоря это, я, по правде, уже начинаю сомневаться в своих словах. Я просто больше не чувствую той обреченности.

– А если я скажу тебе, что твоя судьба счастливее миллионов судеб? А если я скажу тебе, что мы властны над своей судьбой в возможности понять ее? Если скажу, что, только поняв и приняв свою судьбу – и только тогда, – мы обретаем себя?

– Я хочу всё поменять!

– И как же?

– Если бы я могла вернуться назад и исправить всё.

– Что же ты хочешь исправить?

Я чувствовала себя самым что ни на есть ребенком в этом разговоре.

– Я бы хотела... вернуться в то время, когда я не болела, и предупредить свою болезнь!

Птица помолчала. Когда я вновь ее услышала, мне показалось, что ее голос звучит разочаровано.

– Ты ЭТОГО хочешь? Думаешь, это точка отсчета?

– Конечно, это сбой, с которого моя жизнь пошла под откос.

– Из-за этого ты не смогла быть счастливой?

– Естественно!

– Раз естественно... хорошо, пусть так и будет. Только пообещай мне кое-что, моя девочка.

– Что?

Голос внутри меня опять притих...

– Запомнить свой нынешний свет внутри. И не забывать это чувство. Только оно имеет значение. Это истина.

Я посмотрела в глаза птице – сколько тепла и любви! Крылья стали уменьшаться, а глаза расти и расти. Их свет начал слепить меня, слезы счастья и любви ко всему вокруг застлали мои глаза. Мне захотелось спать. И сон настиг меня, такой сладкий, такой нежный, такой прекрасный.

Утром я проснулась в своей любимой постели, в своей любимой квартирке, на кухне что-то готовил мой любимый человек. Я робко вышла к нему, уже отвыкшая от Рауля за полтора года разлуки. Не просто той разлуки, когда он уехал и возвратился, а за полтора года другой жизни, где он предал и не вернулся. Рауль этого не знал, конечно, и поэтому притянул к себе и поцеловал. Я пыталась спрятать слезы, которые, скорее всего, были слезами долгожданного счастья. Рауль подозрительно посмотрел на меня:

– Ты какая-то не такая, что-то происходит?

– Нет-нет! – я почти прокричала это. – Просто еще легкое недомогание.

– Сходи к врачу!

Это безобидные слова разом разожгли во мне костер крайнего беспокойства и страха. Я вспомнила, ЗАЧЕМ Я ЗДЕСЬ. Мне нужно успеть всё поменять! Чтобы стать счастливой. Это ТОЧКА ОТСЧЕТА. С нее началось мое несчастье, в ней оно и должно закончиться.

Сейчас начало сентября, четыре месяца до того дня, когда я узнала, каковы масштабы моего нездоровья. Надо торопиться!

– Почему ты не собираешься на работу? Не пойдешь сегодня?

Вопрос Рауля вырвал меня из нахлынувших мыслей. Я ответила ему, что хочу отлежаться и всё такое.

После того как он ушел, я молниеносно бросилась собираться. Моя жизнь теперь зависела от каждой минуты! Через десять минут я уже бежала по дождливому утру сентября в больницу. Я знала, что нужно делать и какие анализы сдавать, к какому врачу записаться и даже что он мне скажет. Через несколько дней, когда обследования будут у него на руках, врач пригласит меня... Ну а пока надо решить, чем скрасить это томительное ожидание. Решено, сегодня предложу Раулю отправиться в мой любимый кемпинг-лагерь, мне так хочется опять там побывать вдвоем. Я представила, как мы остановимся около озера, будем гулять в горах, любить... Совершенно внезапно какой-то зудящий отзвук, где-то в самом потайном уголке сознания запустил знакомое чувство. словно маленькая «чернильная» точка проступила на душе. Точка отстраненности. Отстраненности от чувства счастья и чувства жизни. Я будто на долю секунды опять потеряла фокус. Только на секунду. И капля черноты, быстро появившись, так же быстро исчезла. Мне опять стало тепло и хорошо внутри. Я смогу, всё смогу!

Если и стоит в моей жизни цепляться за место, то это место – малоизвестный кемпинг на берегу озера у подножия холма, гряда которых щедро обрамляет подъезды к нашему городу. Бывает, в жизни человека случается взаимная любовь не только с другим живым существом, но и с местом. Его называют местом силы, и я знаю, что, проходя по этим тропам, заглядывая в кристальную гладь озера, я становлюсь чище, больше, счастливее. Я принимаю себя, и эта местность принимает меня. Такое идеальное слияние и единение. Каждый вдох здесь значим, каждый шаг в радость. Я защищена. Этот холм – мой оберег, этот лес – мои мысли, озеро – моя душа.

Рауль никогда не понимал моей любви к этой «глуши». Более того, мне всегда казалось, что если здесь проявлялось самое максимальное присутствие в моей жизни меня, то обратно пропорционально в этой же самой точке происходило максимальное отсутствие в ней Рауля. Но на такие несовпадения мы, возможно, справедливо закрываем глаза. Это же настоящая нелепица – волноваться и негодовать из-за этого. Мы разные люди и не обязаны во всем быть схожими. Никто не говорит про слияние душ, так как про это доподлинно неизвестно. В этой жизни, об этой жизни вообще никто ничего не знает. Утверждено лишь, что мы рано или поздно перестанем существовать. Но и это не точно.

Я еще сторонюсь Рауля и в то же время дико хочу, чтобы всё было, как раньше: свободно обнимать его, смеяться, любить. Но что-то пока не позволяет мне отпустить себя в это уже знакомое мне плаванье. Вероятно, это как у семей, пытающихся наладить свои отношения после измен и расставаний. Я стала молчаливой. Я отчаянно пытаюсь сделать всё, чтобы он не заме-

тил моей несхожести с собой вчерашней. Замаскироваться. Но чем больше я притворяюсь, тем отчетливее мне кажется, что я делаю это из рук вон плохо. Новая я просто какой-то узурпатор своего тела. Это меня пугает и тревожит. Поэтому я мчала и гнала нас сюда, в мое место силы, с какой-то остервенелой скоростью. В дороге я опять с ужасом ощутила эту чернильную точку отстраненности от жизни и счастья. Теперь это уже пятнышко. Я страхнула его, ведь мы приехали в мою тихую гавань, наконец-то мне будет хорошо.

Сколько раз я хотела – нет, это слишком слабое слово, – сколько раз вымаливала снова оказаться рядом со своим любимым человеком, прижаться к нему, вдыхать его запах, просто ловить его взгляд и улыбаться в ответ. И вот сейчас, в эту конкретную минуту, сидя в шезлонге, я смотрю, как Рауль готовит барбекю. Его янтарные глаза, отражающие солнечные лучи, наполнены золотом. Почему я не знаю, что мне делать? Я то целую его, то хочу убежать.

Рано утром я вышла на воздух. Природа пробуждалась, было еще прохладно, и легкая дымка стояла над озером. И впервые я сказала это вслух: «СПАСИБО». Мой голос, какой-то глухой и странный, вспорол тишину рассветного края. Какие это благостные слезы очищения! Я плакала и испытывала невероятную радость. Моя душа была жива и говорила со мной. Я каждой клеткой своего тела чувствовала эту жизнь. Движение жизни! Через весь позвоночник проходило чувство абсолютного счастья. Мои глаза широко открыты и впервые так ясно видят все вокруг.

Вернувшись в трейлер, я готовила завтрак. Рауль еще спал. Внезапно я почувствовала, как что-то поменялось, внутри предательски начало расползаться чернильное грязное пятно отчужденности. Чувство счастья и чувство жизни опять утеряны! Только потом я пойму, что человек так устроен, что он нигде не счастлив, если несчастлив наедине с самим собой.

Весь уикенд я словно качалась на качелях, стараясь удержать прекрасное состояние. Но к концу выходных я поняла: я беспокоюсь из-за того, что знаю, что больна, из-за того, что ждет впереди, из-за наших чувств с Раулем, и самое неприятное – беспокоюсь непонятно из-за чего. Просто отключаюсь от этого невероятного чуда, произошедшего со мной, и от чувства благодарности. Теряю чувство жизни здесь и сейчас.

Обратную дорогу домой я притворяюсь, что сплю.

Врач говорит успокаивающе и даже оптимистично (это что-то новенькое): «Вы успели вовремя». Сообщая новость Раулю, стараюсь сделать это максимально непринуждённо и комфортно для него. Благо, опыт у меня есть, не первый раз я подбираю эти слова. Он шокирован – утешаю его.

Позвольте мне избежать описаний всего того, что происходило далее: госпитальных коридоров, пахнущих больничной едой и антисептиком; полет в мир наркозного не забытья, чьих-то слез (не моих), глупостей (которые любят говорить окружающие, пытаясь сказать что-то в ответ на мой диагноз); ну и, конечно, чувство невероятнейшего напряжения, которое обостряет все эмоции, обнажает все ранки и страхи. Ведь не об этом я хочу рассказывать вам.

Знаете, мне кажется, за всю историю своего недуга я приобрела шестое чувство – умение чувствовать людей. Я вскрываю их мысли и резко удаляю из своей жизни «так себе друзей» и «так себе знакомых». Я снова закрываюсь, но называю это работой над ближним кругом; как старатель, я вымываю «золото» из комьев грязи. Дружба – это редкая и ценная порода, а еще это совпадение темпов. Как и в любви, люди должны идти схожими дорогами и с равной скоростью, иначе всё уйдет в никуда. Эта схема позволяет устранить потаенные мысли и темную недосказанность. Да, с дружбой непросто. Доверять – сложно, жить интересами кого-то – сложно, закрывать глаза на недостатки – тоже сложно. Поэтому я успокаиваю себя: одной мне будет легче пройти этот путь.

Что касается моего пути, временами я замечаю, что иду той же дорогой, что и раньше. Однако можно ли выйти из леса, если все время идти по одному и тому же маршруту?

Но не во всем я «сложная». Для Рауля я другая. Я не позволяю себе «расслабиться» при нем, не превращаюсь в жалеющую себя, зареванную, скучную, непривлекательную и сдавшуюся. Для него я стараюсь по-прежнему цвести. Но долго ли сорняк может притворяться розой? Но тогда и этого мне было не дано понять.

Мягкой поступью близится Новый год. Вокруг всё мерцает, искрится, манит огоньками. Несмотря на промозглую и ветреную погоду, в городе по-рождественски тепло. Люди наводнили торговые центры; перепрыгивая лужи слякоти, все бегут за подарками, глазуют на богато оформленные витрины. Роскошные елки украшают площади и магазины. Мне кажется, что в каждом доме пахнет свежеспеченным печеньем и какао. Я вживляю в себя новогоднюю радость, я хочу «включиться» в этот мир счастливых людей.

Упросила Рауля купить в этом году большую ель; включила рождественские баллады; зажгла свечи – мне хочется, чтобы мы нарядили эту елку в идеальной атмосфере. Правильно расставленные акценты – это сама суть. Я очень стараюсь создать и запомнить эту магию.

Рауль приходит домой немного уставший. Я чувствую, его не сильно привлекла мысль создавать новогодний уют.

– Может, ты сама нарядишь? Я все равно в этом не разбираюсь, и будет некрасиво.

– Уверена, будут красиво, да и что тут можно сделать неправильно? – не сдаюсь я.

Он вяло приступает к украшательству, минут пять молча механически развешивает эти несчастные игрушки. Я пытаюсь что-то говорить, шутить. Я красиво оделась и, несмотря на послеоперационную боль и постлучевую слабость, пытаюсь быть веселой и привлекательной.

– Слушай, доделай, пожалуйста, тут сама. Хочется просто поваляться.

– Конечно, отдыхай! – Я выжимаю из себя лучшую из своих «искренних» улыбок.

Откуда ему знать... для него, это просто какое-то глупое занятие... для меня же после той долгой и страшной дороги к нему, к любви, к счастью – это как обломок, за который цепляется человек, оказавшийся в бурном океане после крушения. Как далекий город, к которому из последних сил шел заблудившийся путник. Это не просто мечта, а идея, возведенная до культа. Идея, что всё должно быть идеально. Я начищаю и полирую нас до блеска. Я борюсь за каждый полученный в дар день, боясь потерять вкус жизни. Я почему-то смутно понимаю, что должна делать, но что-то должна точно. Мой вывод прост: начав жизнь с чистого листа, сделать ее идеальной.

Рауль смотрит спортивную передачу по телевизору, а я устраиваюсь рядом, кладу голову ему на плечо. Новогодняя елка вся искрится и мерцает, отбрасывая поистине волшебные тени по всей комнате. Несмотря на шум телевизора, мне кажется, что в квартире застыла тишина. В «моем фильме» отключили звук, я могу только наблюдать. Я смотрю на нас со стороны, и это очень красивая картинка. Всё так, как я себе представляла. Но я не могу расслабиться, во мне растет темное пятно, не дающее ощутить эту жизнь на сто процентов. Я теряю этот вкус. Изнутри словно что-то зудит, как комар, не дающий уснуть. Я понимаю, что опять не просто не чувствую движения жизни, я не ощущаю счастья. От этой мысли меня бросает в жар и становится тяжело дышать. Я ненормальная, чертова ненормальная! Как можно быть такой, после такого невероятного шанса, который был предоставлен. Я начинаю впадать в тихую панику. Я стыжусь своих мыслей, но это не главное... Главное другое – я БОЮСЬ, что всё это отнимут так же легко, как и дали, из-за моей неблагодарности и, очевидно, моей ненормальности. Мне хочется биться головой об стену, пока я не выбью эту черноту из своей души, я на грани отчаянья!

– Милая, ты не принесешь кофе?

– Конечно, дорогой. – Я улыбаюсь и иду варить его любимым кофе.

«Всё в порядке, радуйся! Радуйся же, радуйся!»

Дни сменяют друг друга... Эта аксиома даже пугает: что бы ни было, где бы ни было, с кем бы ни было – новый день придет, а за ним еще один, и еще. Для уснувшего в сладчайшей неге, для не спавшего в жуткой боли этот принцип един. Наше время вечно, сменяемся только мы; падают старые декорации и возводятся новые. Всё несется со стремительной скоростью, разбиваясь об этого незыблемого гиганта – время.

Дни сменяют друг друга... Они перенесли меня уже так далеко от моей «точки отсчета». И я не очень уверена в том, что это перемещение было в верную сторону. Ощущение «неправильности» преследует меня постоянно. Моя «маленькая чернильная точка» расплылась так обширно, что уже больше чем на половину захватила власть надо мной. Я незаметно уже подобралась к лету. Сами собой сменились новогодние декорации, пасхальные, весенние. Мне кажется, что я опять наблюдала всё это из окна едущего без моего контроля поезда. Всё проплывало мимо меня... Я молчаливый наблюдатель своей истории. Самое кошмарное в этом то, что, возможно, я единственная на этой земле (кстати, очень интересно, единственная ли?!), получившая второй шанс прожить жизнь заново, исправить свои ошибки, и, черт побери, я опять еду по той же эмоциональной колее!

Физически же я стараюсь каждый день делать что-то новое, проводить время активно. Я как бешеная, не сижу на месте – просто боюсь, что всё могу потерять, уж я-то знаю, как быстро мир может перевернуться. Мы ходим на концерты, в театры, на спортивные соревнования. Я посещаю живопись, лепку, мастер-классы по кулинарии и прочие занятия. Ни одна премьера не обходит меня стороной. Я уже купила билеты и спланировала до мелочей наше летнее путешествие. О, это многообещающий амбициозный вояж на один из самых живописных и прославленных курортов.

Что дает мне вечная «занятость»? Во-первых, я наполняю свою жизнь событиями, я коллекционер впечатлений; это важно для меня в случае, если моя жизнь опять пойдет под откос и болезнь вернется. Во-вторых, в постоянном движении я хоть как-то забываюсь, прекращаю чувствовать тягостную тревогу и страх. В-третьих, иногда мне кажется, что я начинаю чувствовать жизнь, только увлекшись чем-то, пусть и ненадолго, я будто на минуту высовываю голову из окна своего вагона и дышу!

Про тягостную тревогу и страх: да, эта чернота уже прилично разлилась по моей душе, она гасит и давит меня. Побороть ее я, увы, не в силах.

Изменилась ли я? И да, и нет. Я просто человек, знающий больше, чем должна. Переживший больше, чем должна. Да что там – переживший саму себя! Но мир, лишенный иллюзий, – это страшный мир. Для счастья человеку непременно нужны мечты и даже обязательно иллюзии. Нужна некая «терра инкогнита», чтобы заполнить ее своими надеждами и фантазиями. Но все же одна иллюзия у меня сохранилась – иллюзия, что я знаю, для кого мне жить.

Рауль рядом. Но мне кажется, что ментально он дальше, чем когда мы начинали. Мне нравится полагаться на слово «кажется», так проще закрывать глаза.

Предзакатный теплый вечер. Мы с друзьями отдыхаем в городском парке. Какая ирония, теперь я сама часть тех псевдосчастливых людей под нежными акварельными лепестками сакур.

– Ребят, Эмма, Рауль, а вот о чем вы мечтаете? – неожиданно спросила наша приятельница Лили, которая с усердием молодого журналиста писала какую-то статью для женского интернет-портала.

– Ну... я мечтаю быть счастливой!

– Нет, так не пойдет, Эмма. Ответ серьезно! – смеется Лили.

– Ты думаешь, это не серьезно?

– Это общие слова, а что для тебя счастье тогда?

– Я хочу каждый свой день проживать, а не существовать. Я хочу быть здоровой. Я хочу любить и быть любимой. – Я немного смущаюсь, говоря всё это. На последних словах я лукаво смотрю на Рауля.

Мне показалось, что Рауль как-то дернулся. Мне показалось, мне показалось...

– Ну а ты, Рауль? Давай-давай, выкладывай!

– Слушайте, ну это детский разговор. Ну хорошо, хорошо, я мечтаю... – Я знаю Рауля, он не особо склонен к таким сентиментальным штукам. – Я мечтаю достигнуть чего-то большего и значимого в жизни, стать кем-то, понимаете?

– А что, если бы тебе дали возможность начать жизнь заново, ты что-нибудь бы изменил? – не унималась Лили. От ее вопроса легкий холодок побежал по спине.

– Вот у тебя вопросы!

– Да-да, мы не ищем легких путей!

– Наверное, я бы уехал учиться в другую страну, там по моей специальности больше возможностей.

Я была удивлена его ответом, никогда он не делился такой мыслью со мной.

– Подожди, но тогда бы мы с тобой не познакомились? – Я нарочито хмурю брови, чтобы никто не разгадал моей настоящей степени тревоги.

Я вижу, как он нервно повел головой. Сердце мое сжалось. Это предчувствие, которое скоро превратится в послевкусье.

– Эм, крошка, ну я просто так сказал, не цепляйся к словам! И вообще, странный это разговор какой-то. Пойдемте мяч покидаем.

Всю игру, пока они играют, я смотрю только на него. Я стараюсь взглянуть в каждый его жест. Я ищу доказательства, только сама не знаю чего. Его «нелюбви» ко мне или моего излюбленного «мне показалось». Моя последняя иллюзия – мой последний оплот веры в счастливое будущее, не покидай меня! О, я согласна жить в этой выдуманной сказке, ибо лучшей жизни я не ведаю.

«Ладно, ладно, ты просто паникуешь, – говорю я своему отражению. – У него просто много работы и, возможно, какие-нибудь сложности».

Я поправляю изящное, персикового оттенка, платье. Сегодня я превзошла себя. Отчего же на душе так тревожно?

Рауль последние месяцы всё чаще задерживается на работе, всё реже со мной общается. Какая же унижительная черта – ревность, этакая смесь страха и жуткой неуверенности в себе, припудренная приличной порцией паники. Почему в женщине так унижительно пробивается это чувство? То ли дело в мужчинах! Сразу вспоминаются Оттелло, Хитклиф и другие широкоплечие, дышащие жаром герои. «Или будь совсем моею, или я тебя убью!» Но в женщинах... нет – всё происходит как-то трусливо, унижительно и рабски. Женщины ревнуют даже ненужных им мужчин, не своих мужчин и даже не мужчин вовсе, а, к примеру, подруг. Но когда дело касается реально любимого человека, просыпается и в нас дикий зверь, но не лев, а какой-то шакаленок. И этот шакаленок готов на всё, чтобы удержать свое. Готов вынюхивать, выслеживать, но больше всего боится правды и действий. И ищет истины, и бежит от нее одновременно. Женская глупость базируется на мысли, что без мужчины ты и не женщина вовсе, а лишь какая-то ее половина, и то не самая лучшая. Чрезмерные ожидания – чрезмерные разочарования. В моем случае я поставила на кон всё. Ожидание – самый худший враг, и притом враг чрезвычайно хитрый. Вроде ты плохого ничего не делаешь, а просто ждешь чего-то или кого-то. Но, поверьте, совершенно незаметно этот враг стирает настоящее, крадет у тебя вкус жизни, ты перестаешь ощущать ее движение. Ты больше не живешь, а просто существуешь. Становишься молчаливым пассажиром, просто пассивным наблюдателем своего пути.

Спустя два часа – да, ровно два – я начала звонить Раулю. Его телефон не отвечал, а точнее, не отвечал его хозяин, и по какой причине – было самое мучительное для меня.

По прошествии трех часов во мне начала вскипать ярость. Ужин остыл. Свечи глупо высились на накрытом столе, так и не охваченные романтическим пламенем. Спустя четыре часа, в районе полуночи, звякнул оборот замка. Рауль, как кот, крадучись на мягких лапах, тихо зашел в темную квартиру. Но я ждала его. В эту ночь мы сильно поругались, впервые с момента... моего возвращения. Он всё повторял фразу, которая жутко меня раздражала.

– Ну что ты хочешь от меня?!

Я не знаю, чего я от него хотела, но догадывалась, что стремилась достигнуть счастья посредством него. А еще я хотела удержать его, но в этом я побоялась признаться самой себе. А еще я его любила.

Спали мы в разных комнатах, изможденные ссорой, которая, как гроза, бушевала несколько часов.

С той ночи мы вступили в новую фазу наших отношений – финальную.

– Рауль, поговори со мной, пожалуйста!

Наш разговор состоялся примерно спустя три недели после той большой ночной ссоры. Мы гуляли вечером по набережной, был необычайно теплый, даже жаркий вечер. Его поздние возвращения, уединение с телефоном в ванной и какой-то скованный и безучастный тон общения со мной уже не просто «казались», а яркой кнопкой «ALARM» светились в моей голове и сопровождалась оглушительной сиреной моего подсознания.

– Эмма, детка, что ты опять начинаешь?

– Послушай, я... я люблю тебя, но я не слепая. Что-то происходит между нами, всё изменилось.

– Ты опять пытаешься испортить вечер, Эм!

– Окей, ладно! Ты опять не можешь набраться смелости...

– Что значит опять?!

Надо быть осторожнее.

– Рауль, ты причиняешь мне боль. Скажи, что всё у нас хорошо, и мы больше никогда не вернемся к этому разговору. – Я трусливо иду на попятную, мне расхотелось заходить глубже в эту воду, которую я только что взбаламутила.

Но он молчит. Эту мучительно. Больно почти физически.

– Рауль... – Мой голос звучит жалобно и тихо.

Я смотрю на его красивый профиль, а он смотрит вдаль, на корабли. Его молчание давит мне на грудь. Его тяжелый вздох, как по команде, запустил мои слезные механизмы. И эта соленая вода тонкими струйками бежит по моим щекам. Только не говори...

Еще один вздох.

– Эмма, я не знаю... Всё правда изменилось. Я очень ценю тебя, ты невероятная... – Не говори, не говори... – Но я не чувствую того, что раньше. Я запутался, Эм.

– Мы можем попытаться разобраться вместе!

– Ах, Эмма, ты не понимаешь. – Не говори, умоляю, ничего не говори... – Я думаю, нам надо расстаться. Но я всегда буду рядом, если тебе будет нужна моя помощь и...

Дальше я уже ничего не слышу и не вижу, слезы застлали мне глаза.

– Рауль, почему?! Ты кого-то встретил?

– Эмма, хватит!

– Злишься?! Я не достойна даже знать правду?!

И я злюсь тоже. Во мне растет бешенство.

– Эмма, я повторяю, что не хочу обсуждать с тобой всякие глупости! Мне тоже очень тяжело, черт побери! Давай не будем усложнять.

Но моя истерика уносит меня уже очень далеко от границ здравого смысла и приличного поведения.

– Ты не можешь, Рауль! Я столько прошла, ты не представляешь, каково мне жить! Я схожу с ума! Я через столько прошла!

– Эмма, успокойся же, на нас смотрят! Я сочувствую тебе, и я знаю, как тебе было непросто. Но ты справилась. И я буду рядом всегда, и если понадобится моя помощь...

– Заткнись! Ты ни черта не знаешь! Моя жизнь потеряна!

– Хватит! Это бессмысленно. Весь этот разговор.

Он резко встает, я хватаю его за рукав. Пару секунд он ошалело смотрит на меня, а потом высвобождает руку.

– Прости, – разворачивается и уходит.

О, я уже слышала это неловкое «прости»! Тогда почему-то было не так больно. Но сейчас я разбита вдребезги. На части, молекулы, атомы.

Солнце давно завалилось за горизонт, уже стемнело, и стало прохладно. Я как будто приросла к скамейке и смотрела невидящим взглядом куда-то в темноту, спрятавшую от меня водную поверхность. Мрак снаружи был не такой черный, как у меня внутри. Я сидела, как статуя, будто в какие-то далекие времена я встретила глазами с Медузой Горгоной. Какая выжженная душа! Ну куда мне идти и зачем?

Я так старалась сделать свою жизнь идеальной и счастливой, и всё равно всё пошло под откос. Я осталась одна. А если я вновь заболела?! Если это мой сценарий? Я жалкая. Я даже не смогла ничего исправить. Что я должна делать дальше?

Окончательно замерзнув, я побрела к дому. Редкие прохожие, мельком взглянув на меня, поспешно отводили взгляд. Я шла, не пряча слез. Знаете, бывает два вида истерики: та, которую мы последней каплей воли еще можем контролировать, потому что нам все-таки важно, как мы выглядим со стороны, как будто есть еще что терять. И истерика неконтролируемая, этакое дно, когда всё уже неважно, ведь с такой грандиозной душевной болью не совладать, да и мыслей, чтобы пытаться что-то контролировать, нет.

– Мужчина, который хлопнул дверью, это беда?! Пфф, деточка, еще хуже тот, кто не может этого сделать. Сидит и ждет у моря погоды, полнейшее бездействие и стагнация – вот что страшно! С такими будешь мучиться долго. По-садистски медленно, больно, понимаешь? Я по своему покойному уж знаю... Поэтому пореви и иди дальше, если ушел, то и к лучшему. Одна дверь закрылась, значит, скоро откроется другая, – так рассуждала моя бойкая соседка по приемной психоаналитика. Она приводила сюда сына-подростка, а я, причем силком, при-таскивала себя.

Мое состояние было настолько паршивым, что я не знала, что мне делать. И раз уж тему наложения на себя рук я закрыла, то оставалась помощь специалиста и медикаменты. Страх, что моя жизнь неизменно неудачна, придавил меня полностью. А после того, как я узнала, что Рауль все-таки ушел к другой, и это была та самая девушка, на которой он женился в той, другой нашей жизни, мысль о неизбежности судьбы просто съедала меня. Я каждый день в любом недомогании уже видела самое дурное. Поэтому я резонно рассудила, что без профессиональной помощи и таблеток мне не обойтись. Да и «эффект попутчика» в моем случае работал весьма хорошо – постороннему человеку я могла открыть душу куда лучше, чем близкому.

Но я знала, что нужно быть борцом. Одного знания, конечно, мало. Нужно и чувствовать себя таковым, но, тем не менее, я пыталась не сдаться окончательно. Странная, конечно, душа человеческая... не связанная с разумом напрочь. Почему наперекор всем доводам твое тело подчинено именно внутреннему состоянию? Нельзя просто захотеть или приказать себе. Но если что-то постоянно делать, «взбивать лапками молоко», оно как-то и наладится само... возможно... И будучи таким вот лежачим на лопатках бойцом, я заставила себя через два дня улететь в запланированное еще давно путешествие. Психоаналитик хвалила меня за такое «взрослое решение», но в ее глазах я читала пристальное беспокойство. Она знала и понимала больше, чем говорила мне. И мы играли с ней в эту игру. С моим максимально высоким

уровнем дистимности и тревожности, с засевшей намертво склонностью к рефлексии, с ярко выраженной депрессией, – от меня можно ожидать чего угодно. Сколько их, таких, как я, пятнающих своими печальми ауру этого кабинета? Все сломанные куклы, исковерканные жизни в этой своеобразной ремонтной мастерской.

Исцеляющая сила движения... Все, конечно, знают расхожую фразу, что движение – это жизнь. При этом жизнь не всегда движение. Часто жизнь просто топтание на месте, стагнация во всей ее косности и меланхолии.

Такси, самолет, поезд – и я уже далеко.

Пятьсот метров, километр, четыре – ноги несут меня по маленьким улочкам красивейшего прибрежного городка. Когда заставляешь себя идти, а глаза смотреть – становится легче. Пусть ненадолго, но легче.

Я рассматриваю людей. Хм, никогда не умела я так сидеть за столиком в уличном кафе и неторопливо потягивать кофе, методично и со вкусом наслаждаться десертом и размеренно читать газету или журнал. Мое пребывание в кафе – это быстрое и неловкое поглощение пищи, скоростное ее запивание, как бы ни старалась я растянуть это мгновение. Мда... нет у меня способности наслаждаться моментом, нет этого вкуса. Поэтому я предпочитаю идти, причем быстро.

В старинной церкви на мощеной площади зазвонили колокола. В город пришел полдень, скоро станет совсем уж жарко, и мне пора возвращаться в отель. Солнце и жара мне не друзья. Я прячусь от них в лучших традициях вампиров. В просторном светлом номере я снимаю белую шляпу с огромными полями, стаскиваю тунику с длинными рукавами и плюхаюсь в белоснежное облако постели. Сколько белизны вокруг, как же подходит южному лазоревому морю белый цвет. Идеальное сочетание, изысканное дополнение друг друга. И эта смесь запахов, доносящихся с улицы, – пряных цветов, фруктов, соли и дорожной пыли. Руки пахнут солнцем, волосы морем. Глаза мои устремлены в открытую балконную дверь – синева моря сливается с синевой неба и отражается в глазах смотрящего, преображая их, наделяя новым сиянием. Так я засыпаю. Спится здесь мне очень хорошо, даже слишком. И если утром я вытягиваю себя на завтрак, пляж и прогулку, то после дневного сна могу уже вообще никуда не выходить из номера, заказав ужин и читая книгу. Странное путешествие – около двадцати часов проводить в номере, но для меня это вполне даже естественно. Я бы и утром могла не выходить, но моя приверженность ритуалам – мне в помощь. Каждый день должен идти по схеме, и никаких отклонений от плана. Еще в юности определив, что так мне проще и комфортнее жить, я стала следовать этой жизненной схеме. Ритуал систематически делать что-то в одно и то же время – как выступления для альпиниста: только методично опираясь на них, ты не срываешься в пропасть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.